

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2021. Т. 4, № 4. С. 268–279.
Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2021. Vol. 4, no. 4. P. 268–279.
doi:10.17323/2658-5413-2021-4-4-268-279

МАКСИМ МИХАЙЛОВИЧ СВЕТЛАНОВ

(21 июля 1945, Ташкент — † 5 июля 2021, Москва)

Ушел из жизни большой художник, живописец, акварелист, график и дизайнер. Для меня, да и не только для меня, это стало неожиданностью. Конечно, возраст немалый, но последнее время жизнь все-таки увеличила свои сроки, а Максим, несмотря на возрастные болячки, был сильный, работал энергично, готовил новую большую выставку. Поэтому, когда его сын Володя позвонил и сказал, что «папа ушел», я не сразу понял смысл его фразы. Всё тот же чудовищный ковид!

Вспоминая Максима, нужно привести пару биографических подробностей. В 1978 году он познакомился со Светланой Григорьевной Иванчевой. Они по-

женились через год и прожили неразлучно до 2003-го, когда Светы не стало. Его родовая фамилия — Рейх, но избранная им, совместно с женой и детьми, официально подтвержденная фамилия — Светланов, не только в честь жены Светы, бывшей его музой, но и с устремлением в высший Свет, в страну, где, говоря словами Пушкина,

...смерти нет, где нет предрассуждений,
Где мысль одна плывет в небесной чистоте...

После смерти Светланы, Максим, бесспорно, жил с ее духом, сверял по нему свое творчество.

Раз уж я употребил слово «дух», то два слова на эту тему. Светланов понимал, что такое духовная вертикаль, что ее создало в европейском человечестве христианство. На ночь он читал Библию, его картины полны библейских сюжетов — как ветхозаветных, так и новозаветных. Когда он называл творцов, на которых ориентировался (Джотто, Эль Греко, Шагал, Гоген), становилось понятно, что это не социальные художники, не срисовыватели быта, а те, кто пытались найти некую формулу бытия. Среди его картин есть «Рождество», «Бегство в Египет», «Иоанн Предтеча», «Тайная вечеря», «Апостолы».

Максим и Света

Тайная вечеря

«Евангельский сюжет, как сюжет, более аскетичен, — говорил он. — В Ветхом больше краски, света». И еще: «Евангелие более трагично. Именно там сказано, что “Свет во тьме светит”. Здесь же, в ветхозаветном Бытии, свет ясно отделен от тьмы». Эту трагичность Евангелия он очень чувствовал. Появление Иисуса на свет привело Марию и Иосифа к бегству в Египет, куда они направились, спасая своего младенца от воинов царя Ирода.

Работал Максим очень много. Помимо картин он проиллюстрировал более двухсот книг для отечественных и зарубежных издательств. Им были созданы коллекционные альбомы Александра Калягина, Мариса Лиепы, альбом «Песни военных лет», уникальное

семитомное издание «Тайны Ветхого Завета» и многое другое.

В России успех и насыщенная творчеством жизнь — это последние лет двадцать. А до того — лихие девяностые с их беспощадной бедностью и бесконечными бандитскими разборками на городских улицах. Художник не может продавать свои картины бандитам, а у бедноты денег нет. Светланов с семьей в 1991 году уезжает в Европу, в Париж, который всегда важен для художника, затем еще дальше — в Австралию, где дела у него идут вполне успешно. Я немного акцентирую внимание на географии его передвижений, ведь каждое новое место — это и впечатления умственные, как для всех, но еще и художественные, визуальные, новые краски, что так важно для художника. География движения по миру: Ташкент — Киев — Житомир — Киев — Москва — Ташкент (армия) — Чиркчи — Ашхабад — Кнукл — Арват — Казань — Минск — Чарджоу — Ташкент (театрально-художественный институт) — Москва — Кишинев — Вильнюс — Рига — Чита — Красноярск — Камчатка — Владивосток — Париж (1991) — Цюрих — Кёльн — Сидней (6 лет) — Москва. Он вернулся из Австралии в Москву через шесть лет, — я с ним познакомился в эти годы в

Бегство в Египет

гостях у общих друзей. И тут же получил от Максима подарок как знак начинающегося приятельства. Это был мой графический портрет. Максим разрешил использовать этот рисунок в моих книгах как портрет автора. Начиная с романа-сказки «Чур» несколько моих книг вышло с этим портретом. С этого графического наброска и пошла наша дружба, которая длилась более двадцати лет. Добавлю еще: мы с ним оказались одногодками.

В 1969 году Светланов окончил театрально-декорационное отделение ташкентского художественного института, а в 1975-м — факультет книжной графики Московского полиграфического института. С 1976 года он — член Союза художников СССР, с 1998 года — действительный член Российской академии естественных наук (РАЕН). Его персональные выставки были во многих городах мира — Чите, Париже, Кельне, Лондоне, Сиднее, Нью-Йорке, Мельбурне, Москве и т. д. С 2001 по 2010 год руководил собственным издательством, выполняя заказы частных лиц, а также коммерческих и государственных орга-

низаций, в том числе Оружейной палаты Московского Кремля, Росгосцирка, Сбербанк, Альфа-Банка, МГИМО, различных театров и проч.

* * *

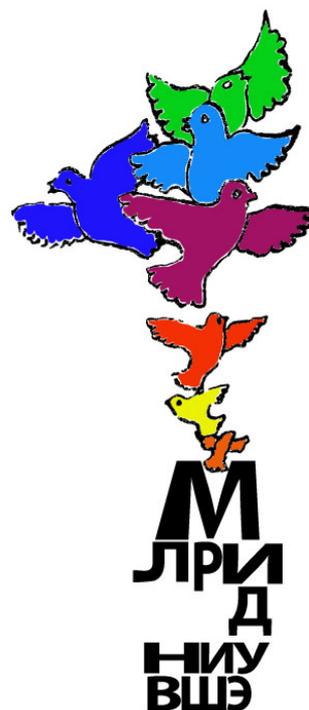
На вопрос о друзьях он отвечал не просто, но я его ответ принял. Максим тогда сказал: *«Есть добрые знакомые. Друзей — типа трех мушкетеров — нет. Да и могут ли они быть?»* Он был прав. Подростковые иллюзии в нашем возрасте (тогда нам было вокруг пятидесяти) уже исчезли. Зато было в нем то, что является, по моему пониманию, признаком настоящего мужчины: на него всегда можно было положиться, и чем

мог он всегда помогал и выручал. Характерная деталь: нашей лаборатории — Международной лаборатории русско-европейского интеллектуального диалога (МЛРИД) — понадобился логотип. И Максим дал свой вариант.

В итоге логотип создал другой человек, у которого был опыт подобного рода работ. Логотип Светланова остался у меня как знак дружбы. Максим видел мир, понимал относительность националистических, государственных и производственных ценностей. Он жил поверх барьеров, как настоящий художник. Ценностная шкала его была проста: отношения людей преодолевают все границы. И, конечно, свет.

Пару раз я открывал его выставки. Максим не был рисовальщиком, его творчество — это поиск смысла бытия. Поздние его картины я назвал *«микросхемами бытия»*. Он согласился с таким определением.

Соединение художественного таланта и умения думать о конечных проблемах человеческого бытия — дело редкое. Тогда возникает то, что русский философ Евгений Трубецкой назвал *«умозрением в красках»*. Он употребил этот термин в своей статье об иконописи, но, думается, его можно применить и к современной живописи. Не забывая, од-

Максим Светланов и Владимир Кантор

нако, что умозрение в красках дано не каждому. Ибо надо не только держать в руках кисть, но еще иметь на плечах голову. Читатель, очевидно, понял, что я отношу к художникам, рассуждающим с помощью краски, холста и кисти о вековых проблемах, своего друга Максима Светланова.

Мы прожили в одно время и в одной стране немало. Мы застали конец сталинизма, но не успели плениться им. Зато падение и разоблачение разнообразных мифов не раз тревожили наше сознание. Понятно, что система тоталитарного, потом полутоталитарного (Оттепель), потом псевдототалитарного и коррупционного мира, названного застоем, людей, в общем-то, честных и порядочных, к тому же трезвомыслящих, очаровать никак не могла. Но как себя вести в новой ситуации? Существовала, конечно, иллюзия свободного Запада, якобы готового поддержать независимое искусство. Живопись должна иметь покупателя, и Запад готов был платить. Светланов уехал дальше всех: через Европу в Австралию, где прожил несколько лет. Еще Декарт говорил о необходимости поездок по миру для духовного возмужания. Разумеется, возмужание, умение пользоваться как собственным опытом, так и собственным умом, требуют духовной независимости. Максим обладал ею в полной мере.

Что же дала она ему в работе, в живописи? Светланов в своих картинах показал, что свет может нарисовать всё. Вместо выяснения социальных и

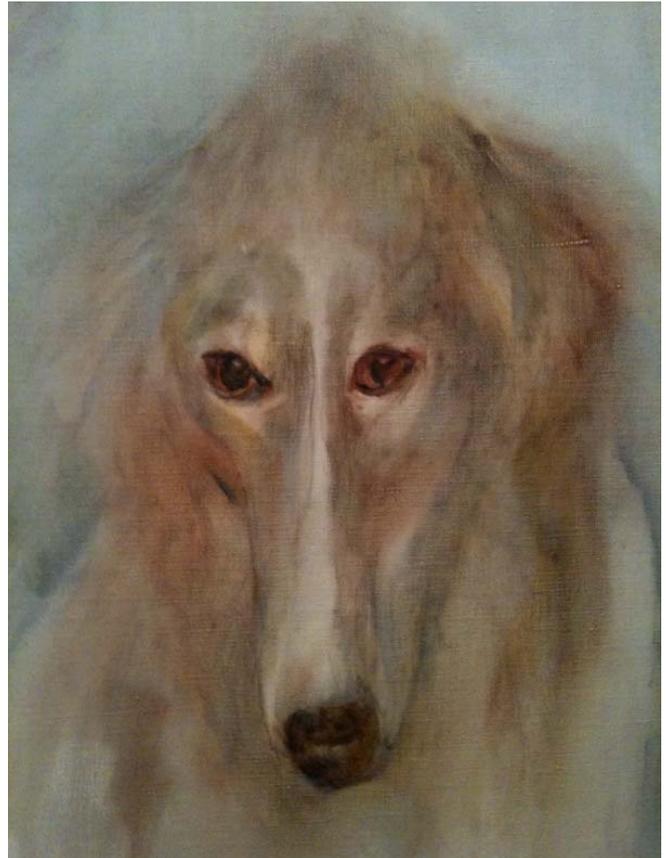
Моисей

преходящих коллизий он попытался понять, что же создало мир, мироздание, что заложено в основе его возможного одухотворения... И как художник европейской традиции он не мог миновать Книгу Книг — Библию. Книгу жестокою, порой страшную, но в отличие от всех других жестоких, страшных и трагических книг, несущую свет человеку, который углубился в ее смыслы. Книгу, твердо противопоставившую свет тьме: «Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою. И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы» (Быт. 1:2–4).

Ветхий Завет описывает бесконечные гонения избранного народа, жившего столетия в египетском рабстве, потом бегство из Египта, ставшее возможным благодаря избранному из избранных — Моисею, твердо усвоившему идею Единого Бога. Он герой одной из картин Светланова. Поразительно, как в этой оценке Максим оказывается близок великому русскому философу Петру Чаадаеву: «В наши дни, кажется, никто не сомневается в исторической реальности Моисея. И всё же, несомненно, окружающая его священная обстановка не

особенно для него благоприятная, и он не занимает в истории принадлежащего ему места. Влияние этого великого человека на род человеческий далеко не понято и не оценено, как бы следовало. Его личность слишком затуманена в таинственном свете, который его окружает»¹.

Картины Светланова погружают нас в глубину мирового процесса — сотворения мира светом. А процесс этот, конечно, творится Богом. В этом смысле его картины обладают и теургическим характером. Евгений Грубецкой, говоря об умозрении в красках, писал, что звериному лику мира сего русские иконописцы постарались противопоставить видение иной жизненной правды и иного смысла мира. Именно эту правду и пытается найти Максим Светланов. Мир зверин, но есть непреходящие смыслы, властвующие над просветленной душой человека. Например, любовь, что, по слову Данте,

Дворянин с арбатского двора

...движет Солнце и светила.

О любви у Светланова немало. Самое удивительное, что эту любовь он не придумал, потому что «художник обязан любить, планида у него такая». Его любимая женщина, муза художника, бытийствует в его картинах, дает ему свет.

Свет много значит в живописи. Не буду ссылаться на искусствоведов, обращусь к философам, которые, как и художники, думают о сути бытия. Вот что писал Шопенгауэр: «Свет — это самое отрадное из всех вещей: он стал символом всего доброго и благодатного. Во всех религиях он означает вечное спасение, а тьма — проклятие. Ормузд обитает в чистейшем свете, Ариман —

¹ Чаадаев П. Я. Философические письма // Чаадаев П. Я. Полн. собр. соч. и избр. письма. М.: Наука, 1991. Т. 1. С. 442.

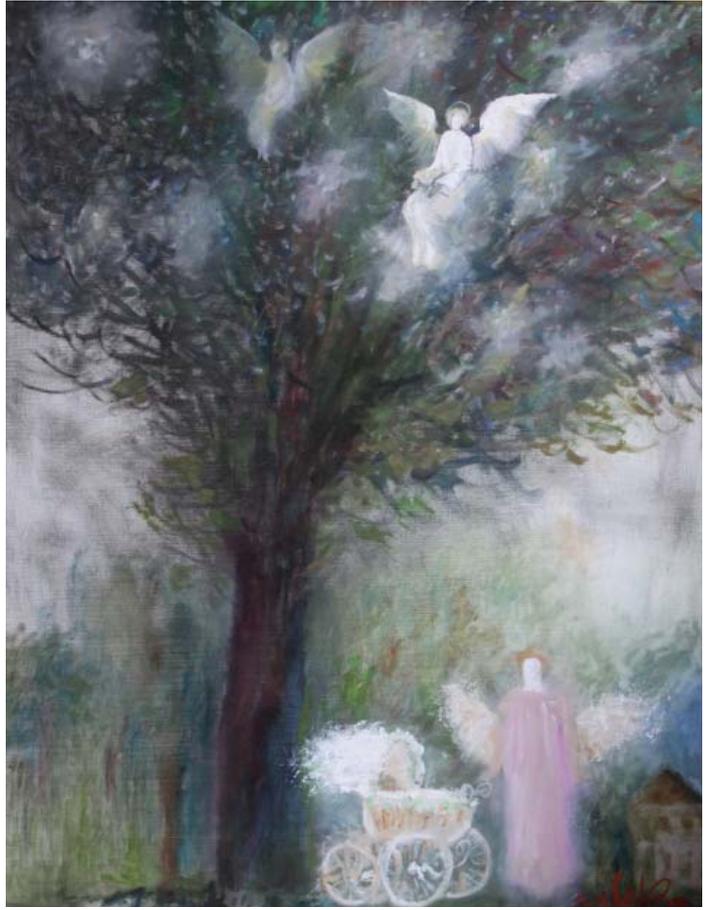

Апостолы

в вечной ночи. Дантов рай имеет почти такой же вид, как лондонский вокзал: все блаженные духи кажутся светящимися точками, которые соединяются в правильные фигуры. Отсутствие света непосредственно наводит на нас грусть, его возвращение дает нам счастье; цвета непосредственно возбуждают живую радость, достигающую высшей степени в случае их прозрачности. Всё это происходит только от того, что свет является коррелятом и условием самого совершенного наглядного способа познания <...>. Таким образом, радоваться свету — означает, собственно, радоваться объективной возможности самого чистого и совершенного наглядного познания, и эта радость объясняется тем, что чистое познание, свободное и отрешенное от всякого желания, в высшей степени радостно и уже как таковое имеет большую долю в эстетическом наслаждении»².

² Шопенгауэр А. Собр. соч.: В 6 т. М.: ТЕРРА — Книжный клуб; Республика, 1999. Т. 1: Мир как воля и представление. С. 176–177.

В конце жизни (слова звучат страшновато) он попытался нарисовать мироздание. Я не шучу. В космическую эпоху, понимая, как писал великий русский мыслитель А. Л. Чижевский, что всё происходящее на нашей планете есть «земное эхо солнечных бурь», стоило создать нечто близкое к формулам ученых. Максим представил нам некие клейма. Они как бы рождаются из света. Это своего рода вариант иконописи, современный вариант. *Микросхемы бытия*. Свет сопровождают клейма. Расположенные, как мы знаем, по периметру иконы, клейма обычно предлагают нам схему жизни святого, свя-

Рождество

Пастух

тителя, схему судьбы. Светланов тоже рисует «своего рода» иконы — он пишет нечто странное: пространства, напоминающие микросхемы телевизора, радиоприемника и т. п.

При этом понятно, что ни к телевизору, ни к радиоприемнику его странные художественные тексты-тесты отношения не имеют. Это рассказ, точнее, попытка рассказать о том, как устроено мироздание, как создано бытие человека. Давным-давно, когда Сократ был казнен, ужаснувшийся этому событию Платон задумался о первоосновах бытия. Когда умерла Беатриче, Данте отправился в свое загробное странствие, чтобы понять мир и что в нем важнее всего. Такое же потрясение, как мне кажется, лежит в основе того, что делал Светланов. Он пытался раскодировать пространства бытия или по крайней мере представить нам это странное устройство мира, которое, конечно, имеет какую-то схему. Но вот какую?

Мало того что Светланов сделал библейский семитомник, он создал иллюстрации к «Двенадцати» Блока, «Неточке Незвановой» Достоевского, «Мастеру и Маргарите» Булгакова. Это делают многие художники, но Максим еще вступил в неожиданный диалог с Вертинским и Окуджавой, дав свое прочтение, как художник, многим их песням. Его художественный проект так и называется: «Диалоги». Там и Вертинского «Бразильский крейсер», «Мы жили тогда на планете другой», «Китайчонок Ли», и Окуджавы «На фоне Пушкина»,

Танго

«Последний троллейбус», «Батальное полотно», «Дворянин с арбатского двора». Ну и т. д.

Мне нравится эта смелость, нравится осознанное, как мне кажется, стремление выйти за пределы материального мира, чтобы понять его внутреннюю суть.

Максим остался с нами, а его творчество осталось в культуре России и мира.

* * *

Закончить хочу свой текст картиной Светланова о любви. Называется она «Танго».

Владимир Карлович Кантор,
доктор философских наук, профессор,
член Союза российских писателей